

Страховой Случай В Эдеме

Элиаш Свидерский

Элиаш Свидерский

Страховой случай в Эдеме

«Автор»

2026

Свидерский Э.

Страховой случай в Эдеме / Э. Свидерский — «Автор», 2026

Пятнадцатилетний Джонатан живет в образцовом американском пригороде, где все кажется идеальным — от подстриженных лужаек до семейного минивэна в гараже. Но за этим безупречным фасадом скрываются пугающие странности. Страницы домашней Библии пахнут гарью, тени ведут себя неестественно, а отчим Джонатана, успешный владелец страхового агентства, внезапно раскрывает подростку свою истинную, дьявольскую природу. Шокированный правдой, Джонатан решает, что вся его жизнь — лишь подстроенный кем-то спектакль. Он решается на отчаянный побег через всю страну на старом немецком хиппи-фургончике вместе со своим эксцентричным дядей. Это мистическое роуд-муви заставит героя столкнуться с невероятными аномалиями, встретить тех, чье существование казалось сказкой, и добраться до Беверли-Хиллз в поисках спасения. Но сможет ли Джонатан убежать от магии и переписать правила вселенной, в которой он оказался?

© Свидерский Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Элиаш Свидерский

Страховой случай в Эдеме

Пролог

Начиналась гроза. Доктор Джонс Осборн уже закрывал свой офис психиатрической практики в Нью-Йорке. Обычный вечер, обычная рутина. Если вы, конечно, верите в обычные вещи.

За окном промелькнул дорогой черный «Кадиллак Эльдorado». Звук тормозов на корпоративной парковке у самого входа заставил Осборна насторожиться. Он медленно приоткрыл шторку и заглянул в серые сумерки.

На улице и правда стоял этот шестиметровый железный гигант. Вот только водителя за рулем не было. Машина-призрак, пустая и зловещая в каплях первого дождя.

Пока доктор разглядывал пустой салон автомобиля, на его плечо легла чья-то тяжелая, ледяная рука. В пустом, закрытом на ключ кабинете.

Осборн резко обернулся и обомлел. Перед ним стоял высокий мужчина средних лет. Его лицо казалось идеальной маской, но глаза... глаза светились настоящим, живым красным огнем. В американских пригородах про такое не рассказывают.

— Мне нужна ваша помощь, Доктор Осборн, — произнес незнакомец. Голос его звучал так, будто переворачивались могильные плиты.

Он сделал паузу, улыбнулся одними губами и продолжил:

— Я Джон Морнингстар.

Глава 1

Если вы, правда, хотите послушать эту историю, забудьте всё, что вам втирали в воскресной школе. Конечно, за мой рассказ меня по головке не погладят. Родители всегда старались не афишировать, что тени в нашем доме ведут себя, как им вздумается, но мне нужно выговориться. Написать книгу, как мой Дед, — наверное, лучший вариант.

В остальном наша жизнь ничем не отличалась от жизни соседей: образцовый американский пригород, дом с белым фасадом, вечно подстриженная лужайка и семейный минивэн в гараже.

В конце мая Джон совсем помешался на газоне: трава росла так быстро, что он заводил свою тарыхтелку каждые три дня.

Типичная сказка, если не считать странностей, которые не объяснишь словами. Например, тень моего отчима всегда падает в сторону источника света, а не от него. А страницы нашей домашней Библии постоянно пахнут гарью. Как-то раз в церкви у меня в руках задымился уголок первой страницы Евангелия, но Джон быстро его потушил, просто смахнув пепел, будто обычную дорожную пыль.

В пригороде нас считали идеальными. Если у соседа сдыхал газон или трескался фундамент, он шел к моему отцу. Джон Морнингстар, владелец «Морнингстар Страхование», вылез бы из кожи — в буквальном смысле, если бы это помогло закрыть сделку, — лишь бы вернуть всё в чертов порядок. Он продавал людям покой, завернутый в гербовую бумагу, и они верили, что подпись защитит их от энтропии.

Мать, Клару, звали святой из-за ее черничных пирогов. Каждое воскресенье она скармливала их прихожанам, и те уплетали это сладкое блаженство с таким видом, будто причащаются. Видели бы они, как по вечерам эта святая дразнит отца. Она подливала ему мартини — три оливки, ни капельки больше — и шептала о временах, когда он еще не был таким занудой и не полировал свои туфли до зеркального блеска, в котором отражается всё наше фальшивое небо. Когда она смеялась, лампочки в гостиной начинали гудеть на тон ниже, а тени от торшера на мгновение замирали, забыв, что им положено двигаться за светом.

Мой Дед, Годрик Орландо Джонатан Элсон, тоже не был обычным, хотя старался им казаться. Получалось у него гораздо хуже, чем у отчима. В то утро я заглянул к нему в гараж: Он сидел и пыхтел над старым радиоприемником «Зенит», который нашел на помойке. От него за милю несло этой дурацкой мазью — смесью ментола, табака и, кажется, самых первых папоротников на земле. На удивление, после неё всё становилось лучше — абсолютно всё, чего она касалась. Но Дед упорно мазал ею только свой артрит.

— Слышь, Джонатан, — прохрипел он, не оборачиваясь. — Опять этот чертов прибор барахлит. Я вчера подкрутил пару винтиков в мироздании, а он всё равно ловит трансляцию из Вавилона. Никак не могу послушать, как сыграли «Янкиз».

Он стукнул по радио костлявым кулаком. Из динамика на секунду вырвался хор тысячи голосов, поющих на мертвом языке, а затем пошла реклама зубной пасты, которая каждое утро призывала граждан приобрести новейшую разработку, одобренную девятью из десяти стоматологов. Проще говоря — хлам, сделанный на заводе под Бостоном.

— Вот так-то лучше, — буркнул Дед. — Кстати, передай Джону: если он не перестанет выкидывать мои приемники, я сделаю из него соляной столб.

В школе никто не знал об этих странностях. Родители почему-то не удосужились выбить мне место в школе нашего района, так что каждое утро в шесть утра я отправлялся за тридевять земель. Фирменный желтый автобус не заезжал в наш тупик, он кружил только по нормальным городским кварталам. Поэтому сначала я тащился километр пешком до ближайшей остановки, и только оттуда уезжал в свою проклятую школу.

Единственной отдушиной в эти будни был Бобби. Наверное, он был единственным нормальным человеком в моем окружении. Для него пламя в чьих-то глазах всё еще было настоящим проявлением нечистой силы, а не просто признаком плохого настроения.

В день, когда всё покатилося к чертям, я, как обычно, залез в этот задрыванный автобус. Шум бил по ушам так, что стоило бы купить беруши, но я продолжал слушать этот грохот каждое утро. «Не суждено», — любит говорить мама в таких случаях, хитро поглядывая на Джона.

Я сел рядом с Бобби. На нем была голубая рубашка с коротким рукавом и бежевые брюки. Рюкзаков он не признавал, почему-то таская всё в кожаном портфеле — в таких клерки носят свои важные отчеты, а не школьники учебники, даже если они уже перешли в старший корпус.

— Как настрой? — многозначительно спросил я. Бобби даже не удосужился поздороваться, отчего я поначалу скривил нос. — Всё так же киснешь? Идем в кино на следующей неделе, или ты снова внезапно «заболеешь»?

Он улыбнулся и осмотрелся, будто прикидывая, не подслушивает ли нас кто-нибудь из «нормальных».

— Всё в силе, — осведомил он меня и отвернулся к окну. — А ты как?

— Спать хочу, — я откинулся на спинку сиденья, и автобус, наконец, тронулся.

Моя школа тоже не отличалась от других. До каникул оставалась всего неделя, и в классах стояла такая духота, что страницы учебников прилипали к пальцам. Солнце жарило сквозь окна так, будто хотело расплавить наши парты к чертовой матери еще до финальных тестов. Здесь никто не уважал учителей, все опасались получить по заднице от местного задиры Деррика-второгодника и всячески пытались угодить капитану футбольной команды Джиму. Тот не отличался умом, зато отлично смотрелся на поле и всяких там конкурсах красоты.

Уроки тянулись с семи до двух. Когда они наконец кончились, я снова залез в этот поганый автобус, который после утреннего дебоша стал окончательно похож на помойку. Убедившись, что Бобби на месте, я стал ждать, когда меня доставят обратно — на ту самую остановку в километре от дома.

После долгого пути я вновь шел по выработанному годами маршруту, мимо стариков, застывших в своих креслах-качалках. Дома я просто бросил рюкзак у порога и плюхнулся в кровать. Я ненавижу таскаться так далеко, поэтому каждый раз после возвращения еще час лежу, уткнувшись лицом в подушку.

Мама в это время гремела посудой на кухне. В тот день они с отчимом зачем-то решили устроить званый ужин и позвать всех родственников, включая странного дядю Джошуа. Джошуа был братом Джона по Деду и казался почти таким же нормальным, как я. Только он постоянно пил вино, от которого никогда не пьянел, и рассказывал о любви к ближнему. Ездил дядя на потрепанном немецком микроавтобусе с цветочками на кузове и знаком пацифиста, чем жутко бесил наших соседей всякий раз, когда парковал его на их подъездной дорожке. У Джошуа была странная привычка называть всех людей «добрыми». Большинство не реагировало, но однажды какие-то типы его за это поколотили, так что он стал осторожнее в высказываниях. В общем — был хиппи.

Через пару часов я очнулся. Солнце в мае торчит над горизонтом до последнего, так что на улице было еще светло, но в комнате уже поползли длинные тени. Кто-то укрыл меня пледом — скорее всего, мама. Взглянув на часы, я ужаснулся: ровно шесть вечера, время ужина. «Наверное, уже всё доедают», — подумал я и, скинув покрывало, скатился вниз.

— Джонатан, ты чего? — Дед обернулся ко мне, прервав свою проповедь об ответственности, которую он читал дяде Джошуа. — Плохо себя чувствуешь?

— Всё нормально, — буркнул я, сглотнул слюну и медленно сел за стол.

— Я как раз собиралась тебя звать, — улыбнулась мама, пододвигая мне порцию курицы с подливой. — Какое удачное совпадение, да, Джон?

Она снова посмотрела на отчима этим своим лисьим взглядом. Джошуа в это время разливал по стаканам вино, и в столовой сразу потянулось чем-то сладким и терпким.

— Спасибо, — я зевнул и потянулся за вилкой к середине стола.

— Сынок, — вдруг подал голос Джон.

Дед снова завел шарманку про ответственность, но голос отчима прорезал этот шум, как скальпель. Я как раз запихнул в рот первый кусок курицы.

— Нам нужно поговорить о твоём будущем. Если у тебя найдется минутка...

Глава 2

Я замер с куском курицы во рту. Подлива была чертовски вкусной, и меньше всего на свете мне хотелось обсуждать свое будущее. Обычно под этим словом отчим подразумевал либо мои позорные оценки по тригонометрии, либо то, что мне пора подстричься.

— Прямо сейчас? — спросил я, не проглатывая еду. Получилось невнятно. — У меня вообще-то каникулы через неделю. Мое будущее — это три месяца ничегонеделанья и кино-театр с Бобби.

Джошуа в это время тихонько звякнул бутылкой о край своего стакана. Вино лилось и лилось, хотя бутылка была размером с обычную пинту. Он подмигнул мне, мол, «держись, племянш, сейчас начнется». Мама Клара замерла с вилкой в руке, и в её глазах промелькнуло что-то такое... предвкушающее. Как будто она ждала этого момента дольше, чем самого ужина.

— Это серьезно, Джонатан, — мягко сказал Джон. Он сложил свои идеально чистые ладони домиком. — Твои каникулы никуда не денутся. Но есть вещи, которые не терпят отлагательств. Речь идет об условиях твоего... скажем так, существования в этой семье.

Я посмотрел на него недоумевающе, еще не подозревая, что через минуту моя жизнь рухнет, а мое представление о вселенной перевернется с ног на голову.

— Чего? — я постарался уточнить вопрос. — Ты же в курсе, что я знаю, что ты мне не родной?

— Ты читал Библию, сынок? — спросил Джон.

По правде говоря, особо верующим я никогда не был, а в церковь ходил только потому, что заставляли. Но признаться, что я её не читал, было равносильно смертному приговору — я был уверен, что меня заставят вы зубрить её от корки до корки вслух.

— Конечно, — соврал я. — Кто ж не читал?

Дед многозначительно вздохнул и посмотрел на меня так, будто видел мою ложь насквозь — вместе с непереваренной курицей.

— Что ты думаешь о Люцифере? — вдруг спросил Джон.

— Славный парень, — с неприкрытым сарказмом ответил я. — Ему бы нервишки подлечить, да и вообще пройти терапию.

— А если он её уже прошел? — Джон озадачил меня еще больше. — Сомнений нет, он существует.

Отчим запнулся, обвел взглядом Деда, Джошуа и маму.

— Может быть, он исправился давным-давно. Завел семью, ребенка и сейчас живет где-нибудь в штате Нью-Йорк, в маленьком пригороде. Занимается бизнесом.... Как думаешь?

На его лице появилась улыбка, которую я никогда не забуду: хищная, странная. Казалось, он получал физическое удовольствие, будто в нем проснулось что-то, что он годами втапывал внутрь, а теперь, наконец, выпустил наружу.

— Ну, может быть, — я отхлебнул виноградного сока, который дядя Джошуа налил мне вместо вина. Сок был такой густой и терпкий, что сводило зубы. — Но мы всё равно никогда об этом не узнаем.

— Ну почему же не узнаем? — этот разговор всё больше походил на пытку. — Мне почему-то кажется, что Дьявол куда ближе, чем ты думаешь.

Повисла неловкая пауза. В этой тишине я отчетливо услышал, как кто-то — Дед или дядя — пнул отчима под столом. Стараясь сбить градус напряжения, которое нарастало с каждой секундой, я выпрямил спину и выдал фразу, после которой моя жизнь разделилась на «до» и «после»:

— Ну да, конечно. Ты, что ли?

— А если и я? — парировал Джон.

Всё замерло. Воздух будто превратился в желе. Дед, дядя и мама смотрели прямо на меня, а отчим начал нервно выстукивать пальцами по нижней части стола. Глухой, ритмичный звук, от которого заныли зубы. Все ждали.

Но тогда я ещё не понимал, чем это обернется. Я искренне верил, что они просто прикалываются, что это затянувшаяся дурацкая шутка, а потому рассмеялся. Громко, звонко — сам не знаю почему, ведь смешного было мало. Скорее, это было просто удручающе. Я заткнулся только тогда, когда понял, что никто не смеется. Даже не улыбается. Они сидели и молча смотрели на меня, всё ещё ожидая ответа.

— Глупости... — буркнул я под нос и уткнулся в тарелку. Наколел курицу, зачерпнул побольше подливы и запихнул всё это в рот.

— Почему глупости? — вдруг подал голос Джошуа. — В нашем мире нет гарантий, что твой отец не может оказаться Дьяволом. От этого не застрахуешься.

Я ждал, что Джошуа снова начнет критиковать страховки, мол, они мешают по-настоящему жить, но он не продолжил. Просто взял кусок курицы и начал жевать — нарочито громко, в абсолютной тишине.

Я снова посмотрел на Джона.

— Это прикол какой-то? Что за детсад! Джон, приди в себя.

Я уже начинал злиться. Вся эта ситуация жгла изнутри. — Не веришь? — спросил Джон. Я выдавил из себя самый скептический взгляд, на который был способен.

— Конечно, нет. Это вздор. Дьявол должен быть в Аду.

— Но мы же только что выяснили, что это не обязательно так, — Джон не отступал.

— Обязательно, Джон! Иначе и быть не может. Это тебе не в «Монополию» играть.

— Давай проверим? — неожиданно предложил отчим. — Спорим? На два доллара, что я прямо сейчас остановлю время и пересажу вон ту муху на сахарницу.

Муха появилась будто из ниоткуда. Она лениво кружила над столом, словно ждала своего выхода.

— А спорим! — с азартом ответил я.

Я надеялся, что этот цирк, наконец, закончится, но всё только начиналось. Мы пожали руки. Я вернулся на свое законное место перед тарелкой с надкусанной курицей, и мы приготовились. Джон демонстративно встал и поправил пиджак, из которого, казалось, никогда не вылезал. Потом медленно ослабил галстук, расстегнул пуговицы на манжетах, поднял руку и шелкнул пальцами.

Время замерло. Сначала я этого не понял. Увидев, как Джон выходит из-за стола, я уже хотел победно выкрикнуть: «Два доллара мои!», но не смог даже вдохнуть. Воздух превратился в бетон, он просто не двигался, легкие не расширились. Я подумал, что умираю, но конечности тоже отказались меня слушаться, намертво прилипнув к столу вместе с вилкой. Я пытался закричать, дернуться, но мир превратился в одну сплошную фотографию.

Тогда я заметил муху. Она зависла прямо перед моим носом, вмурованная в пространство. Джон в это время спокойно взял кусок курицы со своей тарелки, отправил его в рот, методично прожевал и проглотил. Затем он лениво приподнялся, снял крышку с сахарницы — она так и осталась висеть в воздухе там, где он её оставил, — взял двумя пальцами муху и пересадил на сахар. Пространство вокруг него будто бы плавилось — он легко обходил законы, намертво запершие меня в этой столовой.

Закончив, он выпрямил спину и снова шелкнул пальцами.

Мир ожил с таким грохотом, будто в уши ударил прибой. Воздух хлынул в легкие, Дед и Джошуа одновременно выдохнули. Мама принялась разглядывать муху, которая деловито вгрызлась в сахар, а через секунду просто растворилась в воздухе, будто её и не было.

— Ну как? Получилось? — поинтересовался Дед у Джона.

— Джонатан теперь должен мне два доллара, — ответил отчим, поправляя манжеты.

— Ты что, ел без нас? — возмутилась мама, заметив пустую тарелку мужа.

— Это для примера, Клара. Не серчай.

Крышечка от сахарницы, чье падение до этого заглушал внезапно вернувшийся гул мира, тихо покатилась по столу. Она замерла на самом краю, а потом сорвалась вниз и с глухим, пыльным стуком ударилась о ковролин — тот самый дешевый ворс, который можно найти в каждой столовой американского пригорода.

Звук был таким будничным, что от него стало по-настоящему тошно.

Глава 3

Я медленно засунул руку в карман школьных брюк. Пальцы нащупали мятые бумажки, перемешанные с каким-то мусором и старым билетом в кино. Я достал два доллара — грязные, замусоленные, с запахом пота и дешевых сладостей. На фоне идеально чистой скатерти и фарфора они выглядели как кусок грязи, упавший в сметану.

Я положил их перед Джоном.

— Пожалуйста, — сказал я. Голос прозвучал на удивление твердо, хотя внутри всё дрожало. — Твоя взяла.

Джон посмотрел на купюры. Он не стал их прятать. Он просто коснулся их кончиками пальцев, и мне на секунду показалось, что Джордж Вашингтон на портрете недовольно сморщился.

— Спасибо, Джонатан, — мягко ответил он. — Честная сделка.

И тут я не выдержал. Я посмотрел на Деда. Тот всё еще жевал, методично двигая челюстями, и в его глазах не было ни капли раскаяния за то, что он только что позволил отчиму проверить этот фокус.

— А ты? — спросил я, глядя прямо в выцветшие глаза Годрика. — Если он — Дьявол, то кто тогда ты? Еще один страховой агент? Или...

— Ну да, — проскрипел старик, и по подоконнику пробежала трещина. — Странная у нас компашка собралась, верно, Клара?

— Не то слово, мистер Элсон, — отозвалась мать, поправляя идеально ровную салфетку.

Когда я услышал эти слова... Наверное, только тогда до меня по-настоящему дошло. Я вышел из-за стола и под удивленные взгляды покинул столовую.

В спальне всё было по-прежнему: плед и учебники на полу, привычный беспорядок. Но теперь всё встало на свои места. Я просто осознал: эти странности преследовали нашу семью всегда. Обугленные уголки Библии, тени, которые падали в сторону света и не повторяли моих движений, та самая церковная книжка, которую написал Дед... Отсутствие старых фото и то, как Джон не мог взять в руки крест, списывая это на гиперопекающий характер. Всё это теперь легко объяснялось. Мой отчим — Дьявол. И дело было вовсе не в его характере.

Пока я сидел на краю кровати, уткнувшись в одну точку и пытаюсь осознать случившееся, в дверь постучали. Это была мама.

— Можно? — спросила она, приоткрыв дверь.

Я сполз на плед, лежащий на полу. Это был знак, что я разрешаю. Она вошла и довольно резко раскрыла дверь — петли застонали, и далеко не от удовольствия.

— Я принесла тебе молока, дорогой.

Она поставила поднос рядом и села со мной.

— Ну, как ты? Прости папу. Нам тоже было сложно скрывать это, но мы видим: ты готов. Хотя тебе и понадобится время.

Она слегка улыбнулась, и у меня по щекам потекли слезы. Столько лет я каждое утро завтракал за одним столом с чистым злом. Мы ездили на уикенды к Богу. Джон жарил сосиски, но я никогда не видел, чтобы он использовал зажигалку.

Мама вспорхнула с пледа, намереваясь оставить меня одного, но я задал последний вопрос:

— Как ты можешь с Ним жить?

Она обернулась. В ее взгляде читалось разочарование — будто она знала, что я это спрошу, но надеялась на чудо.

— Я люблю его, милый. Ты же меня понимаешь?

Я посмотрел ей прямо в глаза и отвернулся. Эти слова били сильнее, чем прямой удар по яйцам. Моя мать замужем за Сатаной. Скажи я такое в школе — меня бы тут же определили в класс для «одаренных» или для тех, у кого явные отклонения. В общем, в нормальном обществе мне бы жизни не было.

Я слышал, как дверь тихо прикрыли. Внизу сразу посыпались вопросы.

— Как он? Что с ним? — ворчал Дед.

— Переживет. Главное сейчас — не ругаться, — мягко отозвался дядя Джошуа.

— Это не по протоколу, Клара, — донесся холодный, идеально ровный голос Джона. В нем не было злости, только сухая деловая тревога. — Мы должны были подготовить его поэтапно.

— По одному! — крикнула мать, и всё стихло.

Когда в доме воцарилась тишина, я поднял плед с пола. Забрался на кровать — по ощущениям это был Эверест — и укрылся с головой, проваливаясь в глубокий сон.

На следующее утро будильник прозвенел ровно в шесть. Я потянулся, чтобы его выключить, но не успел — за меня это сделал Джон.

— Доброе утро, сынок. Как спалось?

— Ужасно, — ответил я, не скрывая недовольства от его присутствия.

Джон стоял в проеме, и солнце било ему в спину, но его тень вела себя по-своему. Она не падала на пол, а длинной черной полосой тянулась прямо к свету, в угол моей комнаты.

Там, пока отчим говорил, призрачные пальцы его тени робко перебирали струны моей гитары. Инструмент не издавал ни звука, но я видел, как струны беззвучно вибрируют под этим касанием.

— Сегодня я смогу отвезти тебя в школу. Поедешь?

Отчим явно пытался наладить контакт, но я не желал иметь с ним ничего общего.

— Нет.

— Что ж, в таком случае тебе стоит поторопиться, иначе опоздаешь на автобус, — сказал Джон, отходя к выходу. Тень нехотя оторвалась от гитары и поползла за хозяином. — Конечно, если не хочешь, чтобы автобус стал ездить до нашего дома. Я могу это устроить.

— Сам доберусь, — парировал я.

— Ну, ладно.

В его голосе почувствовалась грусть. От закрытого окна вдруг подул могильным ветерком, и я ощутил, как по темени пробежали мурашки.

Я собрался, натянул вчерашние шмотки и вывалился из дома. Джошуа всё еще дрых на диване, завернутый в какой-то нелепый плед, а Джон сосредоточенно копался в своем портфеле, проверяя, все ли души... то есть полисы на месте. Я проигнорировал дежурное прощание Деда Элсона:

— Пока, увидимся вечером, — бросил он мне вслед, не отрываясь от газеты, которая, кажется, была напечатана еще до сотворения мира.

Через полчаса я стоял на остановке. Автобус подъехал через минуту и вогнал меня в ступор. Вместо старой дребезжащей развалины перед дверями замер ярко-желтый микроавтобус — новенький, из тех, что подают только в элитные частные школы.

— Вчера выдали! — похвастался водитель Джефф, когда я поднялся на подножку.

В салоне было подозрительно чисто. Те самые придурки, что еще вчера плевались жвачкой, теперь смиренно сидели на местах и читали учебники.

— Что здесь происходит? — спросил я вместо приветствия, подсев к Бобби.

— А поздороваться? — Бобби, который обычно в упор никого не видел, посмотрел на меня с вежливым упреком. — Автобус новый, ты разве не слышал? Джефф уже всем растрепал.

— Привет. Жесть какая-то.

— Не то слово, но меня всё устраивает, — ответил Бобби и, вопреки своей привычке, даже не отвернулся к окну. — Слушай, я знаю, мы еще на тот фильм не сходили, но там вышла новая картина Битлз. Все хвалят. Пойдем, глянем, а?

Его голос звучал неестественно бодро. В голове похолодело: а что если это всё — проказы отчима? Что если он подкрутил реальность, чтобы сделать её удобной специально для меня? От этой мысли стало по-настоящему страшно. Если он так легко переставил тумблеры в голове Бобби, то к вечеру я сам перестану дуться и послушно пойду с ним на рыбалку. А это было последнее, что я хотел делать в своей жизни.

— Ты чего молчишь? Это же Битлы! — Бобби широко улыбнулся, обнажив зубы. — Тут и сомневаться-то грех. Какой дьявол тебя укусил?

По моему лбу потекла капля холодного пота. Бобби попал в самую цель, сам того не зная.

— С тобой всё нормально? — спросил я, игнорируя дрожь в руках, которая уже перерастала в настоящую панику. — Ты сегодня не виделся с моим отчимом?

— Нет, но он звонил маме по поводу страховки, — ответил Бобби.

Новости были паршивые. Я уже собирался спросить прямо, не чувствует ли он в голове чего-то чужого, но автобус как назло резво тронулся. Меня откинуло назад, в невероятно мягкую спинку кресла. Сиденье было таким удобным, что казалось, оно вот-вот меня поглотит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.